

Он всего лишь раздал ученым мужам на поэтическом вечере на Праздник двойной девятки карточки с изображением Ваньнин. В тот момент у них еще не было названия, и Го Юн нарек их бумагой Цуй. Но поскольку на картинках была изображена красавица, слухи пошли наперекосяк, и к началу продаж их окрестили Бумагой красавиц из Троецарствия. А в дальнейшем любые цветные гравюры его лавки в народе стали звать каллиграфией и живописью красавицы Цуй... Чистейшее недоразумение! Ученые мужи меня погубили! Неудивительно, что император-основатель Хунъю запретил шэньюаням обсуждать государственные дела: эти шэньюани совершенно ненадежны!

Начальник уезда Ци некоторое время выслушивал его, а затем спросил:

— Так это действительно никак не связано с содержанкой господина Вана, жившей за твоей книжной лавкой?

Цуй Се беспомощно ответил:

— Разумеется, нет. Ваше превосходительство, поразмыслите сами: ту лавку заложили его семье после наводнения семнадцатого года, но прежде подобных слухов не возникало. Они поползли только после того, как мы отпечатали эти иллюстрированные карточки, не так ли? Впервые я услышал об этом через пару дней после поэтического вечера на Праздник двойной девятки, когда раздал отпечатанную бумагу. На ней были изображены красавицы, а цзюйжэнь Го дал ей название «бумага Цуй», вот люди и смешали одно с другим, в итоге придумав прозвание «Бумага красавиц из Троецарствия».

В свое время он даже просил приказчика и молодого господина Вана опровергнуть эти слухи, да только молва от опровержений разрасталась еще пуще. Она докатилась до самой столицы, и неизвестно, не достигла ли уже южных земель.

Вот уж воистину: стоит троим сказать, что на рынке тигр, — и все поверят! Растрепали про статного взрослого мужчину, будто он — красавица!

Цуй Се был полон скорби и негодования, а начальник уезда Ци слушал его в немом изумлении. Прежде начальник уезда полагал, будто репутацию Цуй Се испортило жилье по соседству с женщиной, и думал, что достаточно сменить дом, как все уладится. Он и помыслить не мог, что сплетни уже расползлись по другим краям и даже личные опровержения хозяина ничего не изменят.

Подобная молва всегда бежит быстрее любых опровержений, да и верят ей куда охотнее — тем более когда дело касается пикантных подробностей. Даже если потратить колоссальные усилия и развенчать слухи повсюду, у людей в памяти все равно отпечатается образ «красавицы Цуй». Глядя на него, они поневоле вспомнят эту историю, а это вредит его доброй славе.

Начальник уезда Ци не мог сходу придумать решение и произнес:

— Настоятельно советую тебе не делить усадьбу с той девицей. Я присмотрел для тебя другую лавку, открой заведение в новом месте.

Цуй Се ответил:

— В этом нет необходимости... На днях молодой господин Ван упомянул, что отправляется в Юнпинский гарнизон под начало графа Аньшуня и намеревается перевезти Юэ-нян в Юнпинскую управу. Таким образом, моя лавка освободится, и в будущем торговле ничего не

помешает.

Начальник уезда Ци нахмурился:

— Она жила там так долго, разве соседи могут об этом не знать? Эта лавка неизбежно приобрела сомнительный флер, а тебе, как образованному человеку, не стоит мараться о подобное. Раз она съезжает, продай лавку через уездное правление. Я сам возьму это под свой контроль и найду тебе помещение на Северной улице, чтобы ты смог чистенько отстроить новое книжное дело. Каково такое предложение?

Цуй Се сложил руки в благодарном поклоне:

— Ваше превосходительство проявляет обо мне такую заботу, разве могу я быть столь неблагодарным? Однако то заведение — приданое моей покойной матери, госпожи Лю, и мне жаль расставаться с ним. Раз уж я не буду вести там торговлю, то подумываю привести помещения в порядок, расставить там книги по разделам и позволить людям приходить туда и читать.

Начальник уезда Ци невольно переспросил:

— Ты хочешь устроить там книгохранилище?

Цуй Се неторопливо объяснил:

— Не просто хранить книги. Каждому любителю чтения будет позволено прийти: можно читать в самом здании, а можно брать книги на дом. Сейчас мои возможности ограничены, и книг в лавке немного, но за пару лет их количество постепенно вырастет. Тогда ученые мужи Цяньаня, школяры и даже простые горожане, знающие хотя бы несколько иероглифов, смогут читать поэзию и трактаты, почти не тратя денег. Разве после этого просвещение в нашем уезде не устремится вверх?

В конце концов, до попадания в этот мир он готовился стать библиотекарем. Раньше у него не было ни средств, ни подходящего места, но теперь, имея под рукой готовый усадебный двор, почему бы не превратить его в библиотеку и не продолжить дело, не завершенное в прошлой жизни?

К тому же, хотя молва распространяется быстро, забывается она не менее стремительно. Стоит библиотеке проработать пару-тройку лет, и самым ярким воспоминанием людей о ней станет возможность бесплатно читать книги. Когда наступит двадцать третий год Чэнхуа — год проведения столичного экзамена, — следы того, что в этом усадебном дворе когда-то жила Юэ-нянь и продавалась Бумага красавиц из Троецарствия, изгладятся. И даже если кто-то попытается помянуть прошлое, репутация места, где хранят книги и поощряют учение, сгладит любые дурные толки.

Начальник уезда Ци хотел лишь убедить Цуй Се сменить заведение, а тот, как оказалось, вознамерился устроить для всего уезда публичное книгохранилище, да еще и открытое бесплатно для всех грамотеев уезда. Подобными благими делами надлежало заниматься ему самому как правителю уезда! Сам он до этого не додумался, а этот юноша не только замыслил такое, но и вознамерился содержать книгохранилище на доходы собственной лавки... Так дело не пойдет.

— Это благодеяние обязано исходить от уездных властей, с какой стати ты должен тратить собственные средства и силы? — хмурясь, проговорил начальник уезда Ци. — Я тщательно

обдумаю этот вопрос. А ты продолжай вести дело своей книжной лавки, только вот любовные романы больше не издавай и имя «красавица Цуй» никогда не используй.

Цуй Се отнюдь не жаждал носить прозвание «красавица Цуй», поэтому охотно согласился:

— Как только ваш покорный слуга переберется на новое место, я сменю вывеску книжной лавки, и отныне прозвание «красавица Цуй» сгинет навсегда.

Впрочем, печатать «Троецарствие» он все же намеревался. Достаточно лишь изменить издательскую марку в книгах: написать, что прежняя лавка закрылась, а новое заведение выкупило старые рукописи и технологию цветной печати, заботясь о читателях и стремясь выпустить неуспевшие выйти в свет тома.

— Но продать мое заведение в другие руки сложно, — продолжил Цуй Се. — Я опасаюсь, что новый хозяин начнет привлекать покупателей именем «красавица Цуй», и тогда эта кличка надолго засядет у людей в памяти. Посему лучше пусть ваше превосходительство заберет этот двор под книгохранилище. Я готов отдать силы на обустройство и передать готовое здание уезду. Единственное, о чем прошу — сделать запись, что эта усадьба была приданым моей покойной матери, госпожи Лю, дабы ее бесконечная материнская любовь сохранилась в памяти потомков.

— Ну... — начальник уезда Ци по привычке хотел было возразить, но, встретив искренний взгляд Цуй Се, проглотил готовые слова и со вздохом произнес: — Ты пожертвовал приданое покойной матери, чтобы подарить уезду книгохранилище. Сие есть истинное проявление верности и сыновнего почитания! Разве могу я отказать? Когда книгохранилище будет готово, я составлю доклад двору о твоём пожертвовании книг и содействии просвещению. Хотя этот поступок не подпадает под обычные правила награждения и император, возможно, не издаст особый указ, я непременно велю высечь стелу с твоим жизнеописанием и установить ее у входа, дабы навечно запечатлеть твоё благородное деяние.

Цуй Се низко наклонил голову:

— Ученик прибыл из столицы совсем один. Если бы не ваша забота и помощь соседей, разве сумел бы я благополучно дойти до сегодняшнего дня? Совершая это, я не дерзну вымалывать награды от двора. Если мне удастся сделать хоть что-то полезное для земляков и вашего превосходительства, мое сердце уже обретет полный покой.

Окончив поклон, он поднял голову и с некоторой тревогой в голосе произнес:

— По правде говоря, у ученика есть одна просьба к вашему превосходительству... Не мог бы господин начальник уезда написать короткую заметку, чтобы окончательно отделить меня от имени «красавица Цуй»? Много писать не нужно — достаточно лишь обронить слово, что книжная лавка «Чжижун» прекратила работу и опустела.

Начальник уезда Ци погладил бороду, на мгновение задумавшись, и не стал давать немедленный ответ. В действительности он питал любовь к сочинительству, но, к сожалению, изяществом слога не отличался, к тому же числился всего лишь цзяньшэном, занимая среди образованной элиты весьма скромное положение. Его опусы и в самом уезде-то читались неохотно, а уж надеяться, что они выйдут за его пределы, перекроют сплетни и очистят имя Цуй Се от сомнительной славы, и вовсе не приходилось.

Разумеется, виной тому было и то, что книгопечатники того времени еще не додумались до кричащих заголовков вроде: «Эксклюзив от начальника уезда Цяньань: Кто на самом деле

стоит за "красавицей Цуй"?». Не то начальник уезда Ци точно был бы уверен, что его опровержение разлетится быстрее любых сплетен!

Цуй Се заметил его колебания и сам поспешил добавить:

— Прежде ваш покорный слуга читал написанные вашим превосходительством записки о восстановлении Цяньаньского конфуцианского храма и школы. Ваши описания природы и предметов подобны живой картине, встающей перед глазами. С тех пор я всей душой желал попросить у вас несколько рукописей для издания сборника. Не могли бы вы вставить в свои путевые заметки хотя бы пару строк, отделив меня от этой сомнительной славы? Тогда, куда бы ни дошел ваш сборник, повсюду очистится и мое имя, и я смогу со спокойной душой учиться и сдавать кэцзюй.

Начальник уезда Ци был вынужден признаться:

— По правде говоря, мои статьи далеки от идеала...

Впрочем, качество текста не имело большого значения. Разве «Записки о собранных ароматах» обладали изысканным слогом? Однако благодаря четырем портретам красавиц в качестве завлекающей вывески, хвалебным отзывам и заметкам ученых мужей, а также конкурсу красоты для подогрева интереса, книга наделала много шума и продавалась до сих пор!

Так что если оформить путевые заметки начальника уезда Ци в изящном стиле, вставить побольше цветных иллюстраций и попросить признанных талантов написать предисловие, сборник вполне можно будет выгодно распродать.

Он успокоил начальника уезда Ци:

— Ваше превосходительство просто чересчур взыскательны к собственному слогу. Откуда вам знать, не придутся ли они по душе читателям? Я знаю, что ваше превосходительство не ищет писательской славы, так пусть же этот сборник будет отпечатан ради спасения репутации вашего покорного слуги.

<http://bllate.org/book/18372/1761305>